

Эту историю рассказал мне брат.

Жил в подземелье получеловек-получудовище. Ему там было вполне комфортно и хорошо. Пускай и один, но он чувствовал себя в целом замечательно. В подземелье было волшебное окно: в него он мог видеть верхний мир. Ему очень нравился этот мир, там были яркие краски, цветы, деревья, пение птиц, смех. Он подолгу смотрел в окно и в какой-то момент, хотя в подземелье ему было и неплохо, стал мечтать оказаться наверху. Так ему захотелось солнечного света, веселья, той жизни, которую он наблюдал в счастливых юных лицах. Ему казалось, что если он сможет выбраться, то сам станет таким же. И вот однажды у него появилась такая возможность — в подземелье открылась дверь. Дверь всегда там была, но он ее раньше не замечал. Он обрадовался и выбрался наружу.

Свет стал неприятно слепить его, он жмурился и закрывал глаза своими страшными лапами. Люди показывали на него пальцами, некоторые пугались, другие

смеялись. Тут он понял, что не сможет стать таким же, как они, просто потому что он не такой же. И он вернулся к себе.

А потом Дэн добавил:

— Это, Горислав, про тебя.

И задумчиво затаился.

Уж не знаю, зачем родители так меня называли, что у них было в головах. Все, конечно, произносят, как «Гореслав». И смотрят так, как будто я воплощение горя. И в самом деле, как корабль назовешь, так он и поплывет.

Да, я не красавец. Нос огромный, так что я всегда вижу его перед собой. Похоже на уличный указатель. Грудная клетка отчего-то вмята внутрь, а живот, наоборот, торчит. Плечи, правда, у меня широкие. Но ноги кривые — между бедрами такое расстояние, точно я все время верхом на лошади. Хотелось бы сказать, что мои недостатки компенсирует мой рост, но это, к сожалению, не так, он их, боюсь, преувеличивает. Люди по

вечерам, завидев меня, переходят на другую сторону дороги.

Мой рост — два метра двадцать один, а размер ноги — пятьдесят третий.

Раньше я любил завязывать волосы хвостом, мне казалось, что так я похож на индейца, но однажды на улице, когда заходил в подъезд, услышал, как девушки шутили:

— Боже, он сейчас своими ушами стены снесет!

Да, уши у меня выдающиеся. Я никогда не мерил, но они выступают по обе стороны, как зеркала заднего вида у машины. Только я в них ничего не вижу. Короче, теперь я ношу каре.

Раз уж я вспомнил девушек, то признаюсь, они мной никогда не интересовались. Это и понятно, я не в обиде, будь я девушкой, то тоже вряд ли понравился бы себе. Но друзья среди девушек у меня есть.

Хотя вот однажды я очень понравился мужчине. Мне было тогда лет восемь или девять. Не знаю, что он нашел во мне, я уже тогда был некрасив. Даже, если верить фотографиям, еще страшнее — у меня почему-то не помещался язык во рту и постоянно торчал наружу. Я, помню, к этому привык, и даже одноклассники мои привыкли. Но потом он вдруг перестал вылезать, не знаю почему, может, нижняя челюсть подросла и ему наконец хватило места.

Тот мужчина пытался меня изнасиловать. Пахло от него неприятно, табаком, потом и перегазом. Я сильно сопротивлялся, и у него ничего не выходило. Тогда он достал нож и располосовал меня. В результате он повредил мне позвоночник, и возникли проблемы со слухом. Иногда его отшибает напрочь, особенно когда нервничаю, я оказываюсь почти в полной тишине. Но потом появляется вновь. По той же причине меня покачивает при ходьбе, как будто я бреду по палубе во время шторма наперекор ветру. Но это я так представляю, со стороны вряд ли кажется, что я на палубе, люди, наверное, думают, что я просто пьяный.

Врачи поставили мне диагноз «идиопатическая нейросенсорная тугоухость». Я долго думал, что диагноз такой, потому что я идиот. Но потом выяснилось как-то, что «идиопатическая» означает «неизвестного происхождения». Когда я узнал это, я обрадовался, ведь быть глухим потому что ты идиот — очень обидно.

С тех пор, если меня видят обнаженным, то обязательно спрашивают:

— Гореслав, откуда шрамы?

Ну разве я могу им рассказать?

— Да так, — отвечаю, — порезался, когда через забортный лез.

Ну или еще что-то в этом роде.

Однако жаловаться мне не на что. Господь Бог слышит мои молитвы. Не помню, чтобы он отказал мне в чем, несмотря на мои грехи.

* * *

Дело такое, что до двенадцати лет я был отстающим. В пятом классе я еще не умел читать. Не говоря уже о каких-то других вещах. Моей маме говорили, что меня нужно перевести в специальную школу. Ему там лучше будет, объясняли ей. Но она не хотела. Она пошла вместе со мной к директору, упала перед ним на колени и в слезах умоляла, чтобы меня оставили.

— Он же такой добрый мальчик, — просила она, — посмотрите, какой добрый.

И я стоял рядом, уже тогда длинный, с огромными ногами. Я ему улыбнулся, и язык вывалился.

Он покачал головой и сказал только: «Ладно!»

Я остался в школе. О том времени у меня довольно смутные воспоминания. Я помню, как сижу за партой в последнем ряду и смотрю по сторонам. На моей парте обычно ничего не было, ни учебников, ни тетрадей. Я всегда сидел один.

Ребята на переменах писали мелом всякие слова на моей форме, на уроках плевали в меня из ручек. Однажды даже написали на лбу маркером неприличное слово. Я не обижался, наоборот, мне было приятно, что на меня обращают внимание. Они со мной разговаривали, я отвечал, они хохотали, и я тоже улыбался.

Как-то девочки завели меня под лестницу на первом этаже и попросили снять штаны. Я, конечно, снял.

— Боже, какой огромный! — сказал кто-то.

Так там стоял, пока меня завуч не нашла.

* * *

В двенадцать я заболел. Очень сильно. Саму болезнь я почти не помню, только некоторые эпизоды. Например, как я лежу на кровати и меня лихорадит. Мне очень дурно: я открываю глаза и вижу комнату, привычную обстановку. Закрываю — и перед мной появляется огромный склизкий ком, который катится с горы прямо на меня. Я открывал глаза и старался их уже не закрывать, но они сами слипались, и я проваливался в мучительный бред.

Мать рассказывала, что в какой-то момент дела мои стали совсем плохи. Меня выписали из больницы домой. Я к тому моменту уже не мог ходить. Но она вымолила меня у Бога.

Тут я вспоминаю такую картину: я лежу на кровати, а мама стоит на коленях под окном. Она смотрит в открытую форточку, как будто так будет ближе к

Богу, и глаза ее полны слез. Похоже, она стояла там сутками.

— Я дала Богу обет, — говорила она мне.

Не знаю, какой именно. Только она давно уже в монастыре.

В общем, я выздоровел. Но самое замечательное, что я стал нормально развиваться. Я наконец разобрался с чтением и арифметикой. И с одноклассниками. Больше они надо мной не смеялись. Хотя какие-то предметы так и остались для меня тайной за семью печатями. Это физика и химия. Там уж какая-то дьявольская премудрость.

* * *

Но вообще эта история не только обо мне. Эта история о любви. Но романтики, похоже, в ней совсем нет, только разврат, пьянство и наркотики. Я бы и не стал рассказывать, слишком много грязи. Но я хочу разобраться, мне кажется, что если я расскажу, то все сложится в целую картину. Как пазл.

Я вижу перед собой много фрагментов, они вроде не связаны между собой. Но я понимаю, что на самом деле они составляют одно целое. И я не вижу другого способа, как разложить на столе эти фрагменты и посмотреть, не сойдутся ли они.

* * *

Дэн — школьный учитель. Он ведет занятия в школе и онлайн-трансляции. Я видел запись его последнего в этом учебном году урока. Там его, честно говоря, не узнать. Такой красивый, добрый, улыбчивый. Иногда мне кажется, что Дэн — это два разных человека. Красавица и чудовище в одном лице. Только помню, там, в сказке, чудовище в какой-то момент обернулось прекрасным принцем. Боюсь, что с Дэном этого не случится. Выиграет кто-то один. И я очень боюсь, что это будет не красавица.

Как-то я слышал такую историю про старого индейского шамана. Он говорит молодым, сидя у костра: в каждом человеке есть два волка, добрый и злой. И победит тот, которого ты кормишь.

И вот сидит мой брат перед учениками. В пиджаке, в очках. Смотрит умно. Говорит какие-то интересные вещи о смысле жизни. Улыбается чему-то. Урок подходит к концу. Он прощается с ними. Вид у него грустный. Боже, что тут начинается! Данила Сергеевич, мы вас любим! Мы будем скучать! Нам будет не хватать наших занятий! Вы такой лапочка! Это они все ему пишут в общем чате на занятии. Пишет какая-то девчушка несурзная: «Я не знаю, как теперь без вас-то быть!» Тут он

вдруг подмигивает загадочно и говорит: «Кто знает, кто знает, может, еще и увидимся, Мальвина!» Это ученицу его так звали — Мальвина.

Ну и потом в сетях они его находят, и начинается там переписка. А дальше какие-то особенно отчаянные и безбашенные приезжают к нему.

* * *

Как-то к брату приехала девушка. Они были знакомы уже давно, и я припоминаю те времена, когда он еще общался с ней по-человечески. Красивая татарка с немного косящим правым глазом. Но это ее не портило совсем. Зашла она вся такая сильная, уверенная, прямо тигрица. Гибким шагом к столу проскользнула, села, смотрит на брата. А я уже по глазам научился определять, зачем человек приехал. Вижу, что помыслы ее греховны и не чаи распивать она тут собирается.

Брат мой к тому моменту набрался уже прилично, и на стуле как-то неровно держится.

— А! — закричал он. — Сейчас я вас представлю друг другу. Это Горислав. А это...

И он внимательно посмотрел на нее. И замолчал. И всем стало ясно, что он не помнит, как ее зовут. Она обиделась тогда очень сильно, потому что знакомы они были давно.

Я потом спросил у него:

— Ну чего ты с ней так?

— Не знаю, — задумчиво ответил он.

Ее звали Ирма.

* * *

Однажды у меня было свидание. С девушкой из хора, где я пел. Она не была красавицей, но я ей нравился. Мы шли вечером по Тверской.

Меня в тот день сильно шатало, и я почти ничего не слышал. Из-за волнения.

— Гореслав, я не пойму, ты пьяный, что ли? — спросила она.

Я не расслышал, не понял сразу, что она спрашивает, только после уже догадался. Чаще всего вопросы требуют ответа «да» или «нет». Поэтому ответил наугад:

— Да.

Она странно на меня посмотрела. По ее взгляду понял, что ответил неудачно. И предпринял еще одну попытку:

— Где?

Она брови подняла, и мы шли дальше молча. В общем, отношения у нас не сложились.

* * *

Меня часто посещает одно и то же видение. Я иду по какой-то набережной. Волосы развеваются, ветер шумит в ушах, солнце греет лоб, тепло, и вокруг много-много юношей и девушек. Они улыбаются, им хорошо и весело. И мне тоже хорошо. Хорошо — оттого что рядом со мной идет кто-то, кто мне очень нужен и дорог, кто-то, с кем я хотел бы не расставаться никогда, без кого мне одиноко на этом свете. Ее рука иногда оказывается в моей — и это такое нежное и родное касание. Но едва я поворачиваю голову, чтобы посмотреть, кто же она такая, как видение сразу пропадает.

* * *

Дэн мне такой случай рассказывал. Как-то после уроков вышел он за ворота школы и закурил. Стоит курит, наслаждается осенью. Кленовые листья кружатся, нежно пахнет сыростью, все такое. И тут подходит к нему одиннадцатиклассница, его ученица.

— Данила Сергеевич, можно вас в гости пригласить? И смотрит на него робко так.

Дэн прямо оторопел. Девочка-то скромная, тихая такая, прилежная. Но красивая. Поэтому, подумав, он говорит:

— Хорошо. На выходных?

В общем, договорились они, он к ней и приехал. Приехал, заходит, а там мама. Он растерялся, стоит в прихожей, не знает, что делать. А мама посмотрела на него оценивающе — и говорит дочке одобрительно: «Красивый!»

Ее звали Диана.

* * *

Приезжал старший брат, Артем. Я тоже его люблю, но мне кажется, он воплощение зла. Он работает диджеем в ночном клубе. Целыми ночами крутит музыку, и под нее танцуют сотни наркоманов. Да и сам он. Я был как-то у него.

Над танцполом поднимается туман, в уши бьют басы, входя в ритм с сердцем, и сложно сохранить спокойствие. Хочется затрястись в первобытном экстазе и закричать что-то. Люди вокруг и трясутся — они танцуют, головы их дергаются, руки взлетают. Их зрачки широки, на губах странные улыбки. Они то пропадают в тени, то снова возникают на свету. Не то чтобы это выглядело некрасиво, нет, но как-то по-сатанински, что ли. Надо всем этим возвышается мой брат, блестит лысый череп, худое лицо отликает синевой, но чувствуется в нем демоническая сила — он управляет всем этим. И девушки,

эти девушки — особенно вот эти вот, с разноцветными волосами и в пирсинге, сразу ясно, что они хорошо приглялись всякие вещества. Отчего-то я не мог оторвать глаз от них. И невольно вдруг мелькнула мысль: «Если ад такой, то я хотел бы оказаться в нем». Тут же я перекрестился и бросился бежать прочь из клуба.

Так вот, приехал Артем с двумя подругами. Их звали Дина и Наташа. Никогда я прежде не видел, чтобы на лицо можно положить столько косметики. Клади как будто лопатой и потом мастерком ровняли — такие вот у меня профессиональные ассоциации. У одной волосы сиреневые, у другой ослепительно зеленые. Смешные такие и уверенные, зеленоволосая Дина сразу на кухню прошла, жвачку вынула и прилепила к столешнице. Другая в холодильник полезла. Потом посмотрела на меня долгим и как будто насмешливым взглядом и говорит:

— Ты Гореслав?

— Я, — отвечаю. — Только Горислав.

— Ты принял, что ли?

— В смысле?

— Ладно, не важно. Я про тебя слышана. Есть хочу.

Пока я готовил еду, Артем раскладывал на столе то, что привез.

— Так, есть фен, кислоты немного, травы вообще полно.

Дэн придирчиво посмотрел на все это и сказал:

— Лады, буду фен. На отходняке травой убьюсь.

— Горе, а ты чего будешь? — спросил у меня Артем, пока я мыл посуду.

— Я не буду, ты же знаешь.

Девушки с интересом посмотрели на меня.

— Ну хоть выпьешь?

— Ладно. — Я знал, что они все равно не отстанут.

— Вискарь, пивас?

— Я буду сразу все, — сказал Дэн.

Ну и началось потом. Музыка, сигаретный дым стеной, разговоры непонятные, непристойности. Которая фиолетовая, пыталась моего брата прямо на стуле раздеть и что-то такое с ним сделать, а он упрямылся.

— О, — говорил он, — мне так хорошо, так хорошо, ну не трогай, хочу поболтать посидеть...

А она не слушала и лезла.

— Ну давай просто поговорим, давай поговорим... Мм, какая приятная у тебя кожа.

А ко мне все время подходила зеленоволосая с рюмкой виски.

— Гореслав, выпей со мной.

— Не хочу больше.

Братья кричат:

— Ты не джентльмен, не обижай девушку!

В общем, выпил я так несколько рюмок.

— Гореслав, — она мне, — ты такой милый.

Мне приятно было. В какой-то момент я говорю:

— Готово!

— Что? Что готово? — всполошились братья.

— Еда!

— Да иди ты в жопу со своей едой. Кто тут есть хочет?

Девочки замотали головами. Мне, что странно, хотя я и не ел ничего весь день, тоже есть расхотелось. Сел я на кухне, свесил голову и задумался о первородном грехе. Все мы грешны от природы, каждый дьяволом искушен. Как быть?

И вот в этих размышлениях почувствовал я, что мне очень приятно думать, да и вообще все приятно, и музыка такая приятная, хотя вроде бы чего там — тыц-тыц-тыц, но какой классный тыц-тыц-тыц, такой проникающий и как будто изнутри нежной рукой поглаживающий. Тут я глаза открыл и смотрю: пол как будто радугой переливается, искрится чуть-чуть. Перевел взгляд на свои руки, раскрыл ладони, боже, а там такие пути-дороги, линии сходятся, линии расходятся, оторваться невозможно...

— Ну как тебе? — слышу я вдруг голос.

Поднимаю лицо и вижу зеленоволосую. Она сидит рядом, нога на ногу, курит и с любопытством на меня смотрит. Тут у меня догадка промелькнула:

— Вы мне подмешали чего?

— Да всего. Ладно, тебе не в кайф?

— В кайф, — ответил я.

И в самом деле, так мне в кайф, так приятно было, что она сидит вот так со мной и разговаривает, что я захотел, чтобы это никогда не кончалось. Я вдруг, неожиданно для себя самого, протянул руку и прикоснулся к ее обнаженной руке.

О, какая нежная, прохладная, манящая кожа! Я стал гладить. То есть я сидел вот так, вытянув свою руку на метр, и гладил ее по руке.

— Пойдем поваляемся? — вдруг сказала она, и голос ее, прозвеневший, меня словно защекотал изнутри — блаженно, сладостно.

Я задумался. Зачем валяться? Мы так хорошо сидим... Я выразил ей эту мысль, но как-то очень путано. Она встала и ушла. Я пронзительно расстроился, но не знал, что поделать. Но вдруг она вернулась с трубочкой — из такой Артем курил траву постоянно.

Она раскурила и протянула мне. Я не хотел, я был против, но боялся, что если откажусь, то она опять уйдет. Затягиваясь горьким терпким дымом, я думал, что именно так дьявол и искушает души, так склоняет к греху! Я же, вместо того чтобы противостоять с молитвой, с упоением ему поддаюсь!

Я выдохнул, и мой выдох прогремел у меня в ушах, как будто ударили в колокола. Она сидела напротив и тоже курила. Как ярко вдруг зажглись ее зеленые волосы! Как изумрудный купол! Какой невозможный, травя-

ной, пронзительный цвет... Да-да, как на лужайке, как на залитой солнцем лужайке, а там Элли, Тотошка...

— Волшебник Изумрудного города! — вдруг закрычал я не своим голосом. — Волшебник Изумрудного города!

Последнее, что помню отчетливо: ее тревожный взгляд сквозь дымовую завесу.

* * *

Проснулся я на диване в скрюченной позе. Я распрямился — болела спина. Я был в одних штанах. А внутри меня — ад.

За столом сидят мои братья и курят траву. Девушек не было.

— А, Горе! — сказал Артем. — Ну ты лютовал вчера.

— Что я сделал? — с тревогой спросил я.

— Ну как... — Дэн покачал головой. — Сначала ты стал орать на нашу подругу, что она волшебник Изумрудного города. Прямо озверел. Было, скажу тебе, дико.

— Звал Тотошку, — покачал головой Артем.

— Но это ладно, — продолжил Дэн. — Ты потом рубашку скинул, выдернул ремень из брюк, упал на колени и стал себя бить по спине пряжкой. Молился. «Прости нас, Господи, грешных, не ведаем, что творим». Удерживать тебя было невозможно.

Я поднялся и прошел в ванную. Повернулся — в самом деле, вся спина в лиловых следах, где-то рассечена кожа.

— А где девушки? — спросил я из ванной.

— Не знаем. Ты за ними гонялся с ремнем. Убежали в лес.

— Господи! — воскликнул я. — Надо идти их искать!

Они же замерзнут!

— Да ладно, шучу, — сказал Дэн. — Уехали они. Просили передать, что ты самый лютей чувак на свете.

* * *

Брат сидел с утра у окна и курил. Он был злой, лохматый, как промокший воробей, жутко опухший, небритый. Как обычно, веселился всю ночь. И тут вдруг солнце пробилось сквозь сплетения крон, и ударило мне в глаза, и затмило его образ. И тут в сиянии солнца я увидел, что голова его окружена сияющим ореолом, как бы нимбом, и в нимбе этом шевелятся волосы. Я перекрестился. Это знак свыше!

— Брат, — сказал я, — ты знаешь, что душа твоя прекрасна?

— Горе, ты меня всегда сбиваешь с толку своими неожиданными репликами. Что в ней прекрасного?

— А вот что! Сейчас докажу. Вот посмотри себя. Ты с похмелья, рожа дикая. Так?

— Так.

— За собой не следишь, ты всегда такой.

— Ну с учениками-то своими я не такой...

— Ну когда девушек приглашаешь, ты ведь не стараешься быть красивым и приличным?

— Твоя правда, Горе, — устало он взглянул на меня. — Не стараюсь. Скорее, наоборот. К чему ты клонишь-то?

— И они все равно приезжают! Значит, он любят твою душу! — воскликнул я.

— Мою душу?

— Да! Ну не рожу же! Твоя душа прекрасна!

— Ох, Горе, если бы так, то любили бы они все тебя.

* * *

Тут я должен признаться, что все же у меня был однажды секс. И это было ужасно. Все случилось так. Мы с Дэнном и Артемом как-то поехали отдыхать на один курорт. Еще подростки, совсем юные и неопытные. Там было весело — море, пляжи, жгучее солнце и полно красивых девушек. Правда, мной они не интересовались, ну и что ж, я просто смотрел на них скромно и ни на что не претендовал. Я уж счастлив был от одного того, что братья взяли меня с собой. В ту пору у меня как раз уже перестал язык

изо рта вываливаться, дебилность почти полностью прошла, и они вдруг обнаружили, что со мной вполне можно общаться.

И вот приехали мы, разместились в отеле, вышли на береговую линию. А там! Боже, что там! Куча открытых кафе, загорелые тела, сверкающие улыбки, темные очки и жар — жар поднимается прямо от дороги, босой ногой не ступишь. Это было ощущение праздника.

Братья мои в тот же день напились. Они пытались познакомиться с кем-нибудь, но поскольку пьяные были сильно, у них не складывалось. И вот таскались мы из одного кафе в другое, а я их за руки придерживал, чтобы они в урну или клумбу не упали.

Но уже под ночь в одном баре им улыбнулась удача. Неожиданно к нам подседа девица наших примерно лет, может, чуть постарше.

— Привет, — сказала она, — я Маша. Можно к вам?

— О, конечно, да! — обрадовались эти двое.

Маша была милой. С открытой улыбкой, без косметики. Сидели мы сидели, болтали о чем-то, и тут она:

— А пойдем к вам? Посмотрим телик?

Вижу, братьев моих залихорадило. Пошли мы. Сели все на кровать напротив телика. Смотрим молча какую-то чепуху. Тут Маша так Дэнну вдруг руку на грудь положила и стала поглаживать. Ну, Дэн тоже ею занялся. И начали они вот это вот все вытворять непотребное прямо при всех. Дэн тогда неумелый был, юный совсем, я без слез не мог смотреть, как он штаны одновремен-

но с носками снять пытается. Она опустилась перед ним на колени и принялась носки с него снимать. Он засмутился и говорит:

— Носки у меня стоячие, старые...

— Ничего, милый, — отвечает она.

И тут такое начинает делать, что я от стыда выбежал в холл. А уже поздно было, в холле полумрак, только одна лампа горит. Я уселся там на диван и стал ждать, когда эта блудница уйдет. Но что-то долго она не уходила. В какой-то момент мне понадобилось в туалет. Захожу в номер, а она уже в душе — с Артемом.

«Ну и Маша! — подумал я. — И три медведя...» Ужас какой-то. Сел обратно на диван в холле и стал молиться. Долго молился, пытаюсь унять непонятный мне трепет в груди. Наверное, около часа я там сидел. Смотрю — выходит Маша из номера, совсем голая, и направляется ко мне. Я от страха весь сжался, как еж.

Она подходит, садится рядом и начинает меня целовать. Я же онемел как будто, не понимаю, что делать, смотрю в потолок напряженно.

— Ну куда ты так вытарачился? — спрашивает она. — Смотри на меня. Или я не нравлюсь тебе?

И опять целует.

Короче, рухнули мои духовные преграды. Я поддался греху. Похоть, вожделение охватили мое отроческое сердце. Отчаянно захотелось мне бездумной, порочной страсти. И я ей предался.

Когда было кончено со мной, Маша вернулась к Дэну, и началось все по второму кругу. А я кинулся в душ и стал мыться. Я включил горячую воду, почти кипяток, и терся и терся мочалкой, пытаюсь соскрести с себя ее прикосновения и поцелуи. Был момент, когда она хотела зайти ко мне в душ, но я держал заслонку и кричал, чтобы она не смела подходить ко мне. Я рыдал от отвращения к ней и к себе, я каялся и клялся, клялся, что никогда больше не буду заниматься такими отвратительными вещами, и просил Господа Бога меня оградить от искушений.

И надо сказать, что он меня услышал — с тех пор у меня больше не было.

* * *

Дэн с Артемом пьют. Обсуждают какую-то гнусность про женщин. Уши мои не хотят этого слышать, я краснею от негодования. При этом они как-то особенно гадко посмеиваются, и черты лиц их искажаются, словно в этот самый момент их устами говорит дьявол.

— Братья, — говорю наконец я. — Ну как вам не стыдно? Такое ощущение, что у вас на уме только похоть. А на самом деле самое приятное с девушкой — это общение. Погулять, поговорить...

И тут меня снова захватило это видение. Я на набережной. Дует ветер, но не холодный, а приятный, и гонит облака по синему небу. Я замираю от удивления — какое же оно прекрасное, глубокое... Справа от меня гранитный бордюр, отделяющий набережную от реки. Гуляют люди, в основном молодежь, их лица светлы и веселы. Рядом со мной — она, и от одного ее присутствия по телу моему пробегает дрожь...

Я встряхиваю головой, прогоняя наваждение. Почему я вижу то, чего нет?

* * *

— Горе, Горе, она едет! — радостно сообщил мне брат.

Ему удалось уговорить очередную девушку приехать к нему на дачу, при этом они были знакомы только в Сети и никогда прежде не виделись.

— Посмотри, какая.

Я посмотрел фото и их переписку. Такие в его вкусе. Вид взрослый, накрашенная, глаза умные. Прическа каре, как у меня. Правда, ушей таких нет. Острые скулы, что-то монгольское. Да, красива. Я в недоумении, как он сумел ее уговорить.

— Да я сам не знаю! — радостно сообщает он.

— А что ты с ней по-хорошему не встретишься? Вон она тебе предлагала: давай погуляем, может, в кафе...

Дэн закатил глаза.

— Горе, ну ведь на прогулках и в кафе надо о чем-то разговаривать, понимаешь?

— Ну? Это же прекрасно! Узнавать друг друга, делиться, открываться...

— Ну не знаю. Лично у меня темы для бесед заканчиваются через две минуты. А дальше я не знаю, что и делать. Неловкое натянутое молчание. Так что лучше сразу в гости, пьянка, секс.

— Дэн, ты можешь с ними говорить о литературе! Рассказать, в конце концов, о себе...

— Я еще не встречал девушки, которая бы выдержала мои рассказы о себе больше одного вечера! А что касается литературы, то может быть... Только они, как правило, не читают ничего из того, что читаю я. Так что пьянка, секс...

Ее звали Лада.

* * *

Лада, Лада, при мысли о тебе мое сердце сжимается и лицо заливают краска, хотя это совсем не я должен стыдиться, а мой брат. Зачем ты приехала к нам?

Когда она вышла из такси, я, несмотря на ночное время, сразу увидел в ней нечто юродивое. Что-то не от мира сего в ее взгляде. Но ненормальной я ее назвать не смог бы. Красивая такая женщина, я потом узнал, что ей тридцатник. Но вообще не понимаю, что должно быть в голове, чтобы приехать к едва знакомому парню на дачу. У такой девушки либо не все дома, либо она должна быть очень отчаянной и потерянной. Либо она свято верит тому человеку, к которому едет. Лада как раз, похоже, совмещала все эти ситуации.

И вот она вышла из машины, распрямилась, и я удивился, какая она высокая. Раскрашенная птица, с черными-черными глазами. Она с опаской огляделась по сторонам. Все-таки ей было страшно.

— Привет, — сказал брат. — Проходи, не бойся. Это всего лишь Горислав, он безобидный.

Ну что потом было? Они стали пить. Причем с каким-то надрывом, так что я отчетливо видел: у каждого у них идет трещина по корпусу, и корабль едва на плаву.

Они пытались о чем-то говорить, я же сидел на кухне и читал Библию. И вдруг слышу:

— Я когда увидела твои фото, твои глаза, подумала, что ты Бог, — это она ему говорит. — Скажи, это ведь правда?

— Правда, — спокойно отвечает он.

Тут я прямо подскочил от негодования, но удержался.

Потом они еще о чем-то поговорили, и она спрашивает:

— Я так понимаю, сексом мы сегодня не будем заниматься?

— Отчего же нет, — опять же спокойно так говорит мой брат.

Тут я ушел наверх и лег спать. Рано утром он по своему обыкновению отправил ее на такси. Отправляя он ее торопливо, было видно, что она его тяготит, что ему плохо с похмелья. Я невольно подслушал кусочек их утреннего разговора.

— Мне кажется, ты меня использовал, — сказала она ему прямо так и, как мне показалось, немножко с угрозой.

«Конечно, дура! — хотел закричать я. — Зачем ты вообще приезжала, несчастная?»

— Ну нет, что ты! — горячо возразил брат, и я словно увидел его фальшивую улыбку.

* * *

Лада потом приезжала еще. Несмотря на ужасное поведение Дэна. Меня поражало то, что, за исключением странных представлений о нем, она была совершен-

но нормальная, ходила на работу, встречалась с друзьями, в общем, вела полноценную жизнь.

Как-то, когда Лада была у нас, приехал Артем.

Я сразу перекрестился, потому что Артем — это значит наркотики. Он ворвался в дом вместе с запахами и цветом ночи, и над нами как будто нависла тень. Лада ему сразу не понравилась.

— Ты где откопал эту долбанутую? — спросил он Дэна на кухне.

Дэн пожал плечами.

— Она сама меня нашла.

В тот момент я понял, что должен защитить Ладу. Если Дэн встречался с Артемом, то им словно бес овладевал и последние остатки совести испарялись в угаре.

— А я с вами посижу! — сказал я.

— Лады, Горе, но только если пить будешь.

— Буду, но чтобы не подмешивать мне всякого говна в этот раз.

— Да упаси боже. — Артем перекрестился, передразнивая меня. — Я в тот раз от страха чуть не умер. Так что не переживай.

Настоящий португальский портвейн и кальвадос! Это дело. Я залпом выпил стакан порто. И закрыл глаза. Никогда не был в Португалии, но вот по мере того, как по телу разливалось вино, в мозгу стали вспыхивать чудные образы: яркое-яркое солнце жжет землю, увитую виноградниками. Ветра нет, в тишине лишь доносится странный, отдаленный гул: накатывает и затихает, накачивает и затихает. Тут я понимаю: это прибор! Я услышу его всегда, даже будучи совсем глухим, я слышу, как море наступает на берег отчетливо, даже если моря рядом нет. Вот я уже иду по берегу, мои босые ноги пятьдесят третьего ступают по гальке. Как хорошо. Но что-то не так. Кого-то сейчас рядом со мной не хватает — того, кто должен быть.

— Горе, очнись.

* * *

Лада спит на диване в совершенно безобразном виде. Эти двое сидят, Дэн полуголый. Я поднялся и прикрыл Ладу, меня качнуло — все-таки кальвадос с портвейном смесь убойная. В ноутбуке музыка.

Я взял плед и накрыл Ладу. Тут я впервые обратил внимание на ее лицо во сне. Оно стало совсем другим, мышцы расслабились, рот приоткрылся, брови разгладились. Лицо совсем детское, почти ангельское.

— Ты ее больше не приглашай, — говорит Артем. — Она как-то старовата. Да и с придурью явно. Подумать только, притащил бабу за тридцатник!

— Ты прав, ты прав. Но жалко ее как-то. — Дэн курит уже вторую пачку за вечер.

Артем качает головой и раскуривает трубку. По комнате расплзается едкий аромат травы.

Я кладу руку на голову Ладе. И все понимаю. Она пришла в этот мир страдать, она страдает за нас.

— Горе, ты чего к Ладе пристаешь? — спрашивает Дэн.

И тут же добавляет задумчиво:

— Хотя я не против.

Я смотрю на этих двоих, они безобразно пьяны. В дьявольской лысине Артема отражается луна. Я подхожу к столу, наливаю кальвадос в стакан для портвейна, выпиваю залпом.

Артем продолжает свое:

— Бабе за тридцатник, валяется тут пьяная все время, Дэн, жуть...

Я резко поставил стакан на стол. Братья подняли на меня тусклые глаза.

— Ну и что? — вдруг закричал я. — Хоть сорокет! Вы думаете, это она просто так валяется? Для смеха бухает?! Так это она за вас, мудаки, бухает, вас спасает! Ради вас валяется!

* * *

Дэн перестал встречаться с Ладой. Она больше не приезжала. Потом как-то он написал ей в «ВКонтакте», но вместо нее ответила мать: «Лада в психиатрической лечебнице. Перестаньте пудрить мозги моей бедной девочке. Она считает вас богом».

* * *

А потом была Алиса. Ты как с картины сошла. Мне брат показывал как-то полотна мастеров эпохи Возрождения, так вот ты прямо оттуда. Мадонна, только без младенца. Задумчивый взгляд, загадочная полуулыбка, благородная осанка. Ты, кажется, одна из немногих, с кем брат изволил сходить в кино. Но после этого все пошло по-старому. Он тебя звал в гости, ты, конечно, отказывалась. И когда ты приехала однажды вечером к нам, я был потрясен. Не знаю, как он тебя уговорил, какие ловушки расставил, чем завлек. О, мой брат тот еще паук, он умеет плести сети и ждать...

Когда ты зашла, наше убогое жилище залил яркий свет. Ты принесла его с собой. Он исходил от тебя, и я сразу понял, что тебя осеняет своими крылами ангел. Кажется, даже цветами запахло и, несмотря на позднее время, запели утренние птицы. Ты села.

Дэн был уже пьяный вдребезги. Взгляд тяжелый, на губах усмешка. Попытался вынуть сигарету изо рта, но пальцы соскользнули, и она повисла на ниж-

ней губе. Спустя пять минут он настойчиво потащил ее в постель.

— Я не хочу, — просто и кротко сказала она.

— Что?! — закричал Дэн. — В таком случае пошла на хер отсюда! Быстро! Убирайся!!!

Она встала, надела кроссовки и вышла.

Я выбежал следом, чтобы проводить ее, потому что куда же она пойдет ночью в лесу?

Мы молча шли рядом. Она была грустной.

— Зачем ты приехала? — спросил наконец я.

— Не знаю, — вздохнула она.

Я взял ей такси до города. Больше я ее не видел.

* * *

— Дэн, — сказал я ему с утра, — это была первая приличная девушка, которая к тебе приехала. И последняя. А ты вел себя как свинья.

— Ну и ладно, — ответил он.

Он уже выпил с утра пива и поэтому был в игривом расположении духа, которое появляется обычно на второй день пьянки.

— Я вообще-то люблю плохих девочек. С хорошими неинтересно.

— Да, но с плохой ты не построишь нормальных отношений!

Дэн посмотрел на меня с ласковой улыбкой.

— Горе, а я и не хочу нормальных.

— Эх, — с горечью сказал я, — подозреваю, что многие хорошие девочки стали плохими как раз из-за тебя...

— Да ладно, брось, я не такой демонический, — рассмеялся он. — Я изначально выбираю плохих. Или они меня? Черт его знает!

Я перекрестился, ибо он упомянул лукавого.

* * *

А потом были Катя с Дашей. Веселые такие, смешные. Катя из-за своей улыбки и больших глаз немножко напоминала клоуна. Но она мне казалась привлекательной. Даша ужасно походила на какую-то голливудскую актрису, наверное, из-за макияжа.

Девочки вели себя очень просто, они ничего не стеснялись и от души веселились. Это были плохие девочки, но хорошие. Хорошие в том смысле, что они были добрые и честные. А плохие — потому что набрались дурного опыта и всякое перепробовали. Именно такие Дэну и нравились. С ними он чувствовал себя легко и свободно.

Они приехали, и как обычно началась пьянка. Правда, они привезли напитки с собой — очень хоро-

шее вино, три бутылки. Ну и у Дэна стояла литровая коньяка.

Дэн был в ударе. Как обычно, он, конечно, не стал приводить себя в божий вид к приезду девушек. Не брился, не причесывался, в засаленных штанах-карго и белой майке-алкоголичке в пятнах от чая. Его это, впрочем, не смущало. Да и девушек не особо.

Девушки сидели за столом с бокалами вина, а он, тоже с бокалом, стоял перед ними и рассказывал всякие истории. Надо сказать, вполне приличные. Им троем было очень весело. Я сидел на диване в сторонке и попивал коньяк. Видя, что брат не мрачный и воодушевлен, слушая его искренний смех, я и сам начинал смеяться, но не его рассказам, а просто потому, что мне было хорошо.

«Господи, — обратился я с молитвой к всевышнему, — как же хорошо, когда все хорошо! Прости нас, что мы пьем, вместо того чтобы прикладываться к чьим-нибудь мощам!» На время разговора с Богом я, конечно, поставил бокал на подоконник.

— О, какая музыка! — сказала Даша. — Данила, я хочу танцевать.

— Почему нет! — закричал брат. — Сейчас!

Он залпом допил бокал, закурил и начал танцевать.

Сколько раз наблюдал его танцы, всегда поражался, откуда в нем столько энергии. Хотя не берусь судить, хороший он танцор или плохой, я в этом мало смыслю. Но Даше явно нравилось, она танцевала рядом с ним, подстраиваясь под его движения. Может, конечно, ей просто он нравился, а не как он танцует.

— Гореслав! — прервала мои размышления Катя. — А ты что не танцуешь? Давай!

— Нет, спасибо. — Я смутился и потупил взор.

— Ему не надо, — сказал Дэн. — Это опасно.

Вот это вот меня задело. Всколыхнулась во мне гордыня, забыл я о смирении. Отставил бокал, встал, вышел в центр комнаты и стал танцевать. Как умею, широко и просто. Рука туда, нога сюда, присядка, прыжок. Они все расступились, Даша даже обратно на стул свой села. Тут я во время очередного захода ногой ударил снизу по столешнице, стол подскочил вместе со всех содержимым. Бутылки, бокалы, ноутбук, пепельница — все полетело на пол. Даша вся в вине, Дэн с Катей ржут.

— Я же говорил, — радуется Дэн.

* * *

Они уехали утром. Голова была тяжелая.

Дэн сидел за столом, допивая остатки коньяка. Он был не злой, значит, ночью все прошло хорошо. Ну что

же, и слава богу, а то я не люблю, когда Дэн злой с утра.

— Горе, доброе утро! — Он заметил, что я проснулся. — Садись со мной, выпьем.

— Дэн, ты же знаешь, я против всего этого... А с утра начинать пить — ну вообще, свинство просто. Как дела потом делать? Как зарядку? Как трудиться во благо? Как молиться? Как вообще радоваться новому дню?

— Блин, не начинай, у меня голова сразу разболелась. Просто составь компанию, мне грустно.

Что ж, это другое дело, раз брату грустно, надо помочь. Хотя лучше я бы его в церковь отвез на исповедь. Так не поедет же.

Я сел напротив. В окно лился нежный розовый свет. Он рисовал дрожащие пятна на столе, на бутылке, на брате. У Дэна очень яркие зеленые глаза, когда в них светит солнце. Он налил нам по рюмке.

— Давай, за вечную любовь!

Я кивнул. За любовь — хорошее дело. Мы выпили. Меня передернуло, но спустя несколько секунд по телу начало разливаться приятное тепло. Розовый свет стал как будто ярче, цветочные пятна резче. Как это странно, подумал я, сидим тут опухшие, с утра пьем коньяк, а мир снаружи прекрасен, и как будто замер, и время неподвижно...

— Вообще, должен согласиться со знатоками, — сказал Дэн, закуривая, — пьянка на второй день с утра намного занимательнее, чем в первый.

Я уклончиво кивнул. Да, не поспоришь, определенная прелесть есть, но все равно, это греховно. Как раз своей прелестью и греховно — так Сатана расставляет свои сети. И я сказал:

— Наливай!

Он налил.

— За что пьем? — спросил я.

— Не знаю. Какие варианты?

Вариантов у меня не было. Поэтому я сказал:

— Давай опять за любовь.

— За любовь можно пить бесконечно, — согласился он.

Я немного заволновался — не значат ли его слова, что мы сегодня опять будем пить весь день?

Мы выпили.

— А давай-ка послушаем «Вечную любовь» Азнавура, — вдруг предложил он. — С Мирей Матье?

Я смутно помнил, что это такое, но не слышал уже много лет. Он нашел нужный трек. Началась музыка, потом запела женщина, спустя еще какое-то время мужчина. Мне понравилось — очень красиво и проникновенно они пели. Сейчас, конечно, совсем другой вокал. Не то что стало хуже, но как-то по-другому совсем поют.

— Давай еще разок, — сказал я. — Только по-французски непонятно. О чем они?

— О любви, — ответил Дэн.

Это я и сам понимал, но не стал допытываться.

Мы послушали еще раз, а потом еще и еще, и в конце концов оба расплакались. Уж не знаю, о чем мы плакали, каждый о своем или оба об одном и том же.

* * *

Я люблю иногда гулять по городу. После теплого сухого дня легкий дождь поднимает с дороги запах пыли. Весной пахнет не только пылью, но и цветочной пылью. Это приятный аромат, он ударяет в голову, и я улыбаюсь. Я улыбаюсь миру, а мир улыбается мне. Я иду по набережной, но это не та набережная, что является мне иногда в воображении.

— Мама, смотри, чудовище! — Девочка лет двух-трех показывает на меня пальчиком.

Мама наклоняется к ней:

— Ты что! Нельзя так говорить!

Она берет ее за руку и уводит. Девочка два раза испуганно оглядывается на меня.

Я перестаю улыбаться, чтобы не пугать людей. Но на сердце по-прежнему тепло, хотя и грустно немного.

* * *

Ирма часто писала брату. Точнее, это он ей писал, а она всегда отвечала, терпеливо и ласково.

— Быстро приезжай, — пишет он Ирме.

Согнулся над телефоном, нетрезвый.

— Не приеду, — отвечает она.

Он печатает ей какую-то агрессивную чушь. Она:

— Я люблю тебя.

Он продолжает в том же духе. Она:

— Знаешь, мне кажется, я очень хорошо чувствую тебя. Что ты ощущаешь, что думаешь сейчас.

Да, так и должно быть, когда любишь. Лада тоже любила и чувствовала его на расстоянии. «До боли», — как писала она. Пока не попала в сумасшедший дом.

* * *

Иногда к нам приезжала Лида, бывшая девушка Дэна. Она к нему относилась очень хорошо, и он к ней тоже, что для него странно. Обычно с бывшими он не дружил. Теперь он ей рассказывал про своих девушек, а она внимательно и участливо слушала, задавала вопросы, сопереживала. Другие девушки долго его рассказы терпеть не могли. Одна как-то даже написала

ему: «Если еще хоть слово услышу про твоих бывших, убью».

— Понимаешь, Горислав, — сказал он мне как-то, — это как психоанализ. Мне нужно кому-то все рассказать.

— Ну расскажи мне!

— Тебе не интересно...

Лида была веселая, общительная, с удивительной широкой и открытой улыбкой. Однажды я решил сделать ей комплимент, когда мы все вместе сидели на даче.

— Мне очень нравится твоя улыбка, — сказал я. — Она как у моего детского друга Вити Кривоносенко. — И добавил, вспомнив: — Кстати, сейчас он в тюрьме.

Она перестала улыбаться и внимательно посмотрела на меня.

— Горислав, — вмешался брат, — это самый идиотский комплимент, что я слышал.

И повернулся к ней:

— Не обращай внимания, он дурак немного.

* * *

— Знаешь, Дэн, — сказала Лида, — я думаю, все дело в том, что ты боишься женщин.

Я вскочил со стула и закричал в волнении:

— Точно! И я то же самое думаю!

Они не обратили на меня никакого внимания.

— Ну-у-у, — протянул брат, помахивая сигаретой, — не то чтобы женщин. Скорее, я боюсь влюбленности и привязанности...

— Почему? Это же так классно! — удивилась она и отпила из бутылки.

Я отметил про себя, как грациозно и красиво она сделала это. Вообще, конечно, девушке пить из бутылки не подобает. Но у нее выходило так ловко, так изящно, как будто она танцует танго.

— Эх, был один случай... — сказал брат.

Я сразу понял, что сейчас будет история про баб. Если уж Дэн говорит «был один случай», то все понятно. Видимо, Лида тоже поняла это. Она откинула голову и сказала с очаровательным звонким смехом:

— Валяй.

— Была одна девушка, — начал Дэн.

Тут мне опять показалось, что у меня дежавю. Кажется, эту фразу я слышал уже тысячу раз. Но ладно.

— С очень непростым характером, — продолжил он. — Ни о чем нельзя было с ней договориться по-хорошему. Два года она терзала меня, мучила, ломала, гнула, изводила как хотела. И я ничего не мог сделать.

Она как будто была отлита из стали. Я с ней превратился в полную тряпку. Кстати, у нее родители донские казаки, может, в этом все дело?

Мы засмеялись.

— Я долго сопротивлялся, но она сломила меня. Помню, как я вернулся домой после очередной ссоры (а ссорились мы каждый день), сел за стол и заплакал. Слезы полились сквозь пальцы, прямо капали и капали на стол. Это я от осознания своей беспомощности плакал. Я в тот момент понял, что все же влюбился, отчаянно и страстно... Так вот, больше не хочу.

Он замолчал.

Мы решили, что конец истории, и Лида погладила его по руке.

— Бедный! — сказала она и улыбнулась, как Витя Кривоносенко.

— Не знаю, как я пережил эти два года! — Дэн вдруг ударил кулаком по столу так, что все на нем подскочило. — Чертова сука!!!

— Но ты же, наверное, и сам вел себя как сука? — ласково спросила Лида.

— Что верно, то верно, — серьезно кивнул брат и закурил новую.

* * *

— Девушку лучше не называть по имени, — говорит Дэн.

— А как? — удивляется Лида. — «Эй, ты»?

— Никак. Можно же и просто обращаться, не называя имени.

— Это же бред полный... — Лиде не смешно, она не улыбается.

— Ну как, смотри. Допустим, встречаюсь я с девушкой. Она мне нравится очень. Но в какой-то момент я начинаю с другой встречаться. И случайно называю ее именем той, первой. Иногда. В постели, во сне. Вот тут самое неловкое.

Лида засмеялась и закатила глаза.

— Боже, ну ты и гад все-таки.

* * *

Дэн с Артемом пили три дня. Это было ужасно. Однажды ночью Дэн пошел в магазин через лес. Ушел и пропал. Артем сам такой, что идти искать не может. Были еще какие-то девушки, но не посылать же их ночью в лес!

Что же делать, я пошел искать брата. Там дорога такая лесная, опасная, извилистая, вся в ямах, и не видно ничего. Только полная луна светит мне.

Слышу, кто-то шуршит в стороне и хрюкает как будто. Я замер. Наверное, кабан, их здесь много. Но на всякий случай перекрестился, все-таки ночь — время нечистой силы.

Вспомнил, как брат мне однажды сказал: «Ты не бойся, если ночью тебя кабан встретит, то сам убежит от страха».

И все же, думаю, где он? Иду медленно, гляжу по сторонам, вдруг он в кусты какие упал и встать не может. Дошел уже почти до шоссе, как вдруг вижу — силуэт с пакетом впереди. Ну он, конечно. Прямо идти уже не может, идет по диагонали, норовит упасть, цепляется за стволы и сучья поваленных деревьев. Я быстрее к нему.

— Эй, — кричу, — стой, я сейчас!

Он развернулся и попытался бежать, да поскользнулся и упал в грязь.

Я подбежал, поднимаю его.

— Горе, ты? — спрашивает, а у самого еле язык ворочается. — Ты меня напугал. Я думал, это на меня лось из кустов прыгнул.

Ну, я взял его в охапку и потащил. Он тяжелый. Ну да и я не слабый — у меня из-за дефекта скелета большая сила врожденная. Я как-то в тренажерном зале был, подошел к становой тяге, хотя раньше не делал ни разу в жизни. А там мощный мужик упражнялся, навесил уже за двести. Кричит, когда тянет, глаза из орбит вылезают. Ну я взял и поднял, даже не напрягался особо.

И вот тащу я его, но думаю, как бы он не уснул, а то он мне хоть ногами помогает, а так волочи его вместе с пакетом, а пакет полный бутылок.

— Зачем творишь все это, Дэн? — спрашиваю. — Не пора ли остановиться? Бабы, водка, наркота?

— Понимаешь, Горислав, — пробормотал он, впрочем, достаточно отчетливо, — в жизни каждого наступает момент знакомства с самим собой. Это происходит в юности. Когда ты узнаешь сам себя.

— Ну и что же?

— Ну, что же, я себя разочаровал.

На тропу впереди выбежало что-то большое и черное. Я не замедлил шага. Через секунду оно исчезло в лесу.

* * *

А дома они продолжили. Дэн вдруг ожил, видимо, накопил силы, пока я его нес. Так бывает на ринге — боксер бьется, бьется, и вот сил уже нет. Но наступает перерыв между раундами, и он кидается в бой с новыми силами. Так вот, брат у меня как раз такой.

Мне же горько было смотреть на этот бордель. Еще зимой — приколотил в углу икону с ликом великого святого — Николая Чудотворца. И вот теперь, сквозь чад и полумрак, он взирал на все это блестящими глазами, и мне стало совестно. Ополоумевшие женщины в наркотическом угаре, утратившие всякий стыд, братья мои несчастные, танцуют в экстазе, как будто одержимые. А ведь девицы-то эти блудницы — совсем девочки еще, недавно со школьной скамьи, хорошие девочки были, радость родителей, и вот теперь вдруг это: пустые глаза, бессмысленные улыбки, торжество порока...

Я опустил на колени и мысленно обратился к Всевышнему:

— Господи, прости им прегрешения их. Не ведают, что творят. Хотя Дэн с Артемом очень даже ведают! Но все равно прости, они по слабости. Испытания сильны, а плоть слаба. Спасибо тебе, Господи, что ты создал меня таким и оградил от многих искушений!

Долго я так стоял, но на меня никто не обращал внимания, потому что в большой компании, как говорится, у каждого свой трип. Под потолком летали крылатые тени — должно быть, ангелы бились с бесами. А бесы, как известно, — это падшие ангелы. И тут я четко осознал, как же мало шансов у беса стать снова ангелом. Возможно, вообще нет.

И слезы полились у меня ручьем, и я стал молиться за всех падших ангелов.

* * *

— Горе! — толкнул меня Артем. — Дэн звонит!

— Зачем? — Я встал с колен.

— У него возникли проблемы в магазине!

Оказывается, пока я возносил молитвы, Дэн опять ушел в магазин. Непостижимо, непостижимо, как он мог уйти, по идее, он мог только ползти. «Какая воля, какая сила духа! — подумал я. — Жаль только, направлены они не в то русло! А из него бы вышел неплохой подвижник!»

Я взял трубку.

— Дэн, что с тобой? Идти не можешь?

— Нет, Горе. У меня тут драка с местными вышла.

Нужна помощь, не могу выйти из магазина, они меня караулят.

Я вскочил и побежал. Я прыгал через огромные лужи, через стволы, казалось, что просто лечу, а не бегу. Мимо меня ползла тьма леса, и только луна висела неподвижно. Магазин находился прямо через дорогу, и через пять минут я уже был у него.

Остановившись, я сказал громко, так, чтобы меня наверняка слышали все, кто там был у входа:

— Где мой брат?

А там стояла компания местных ребят, человек пять, среди них одна девчонка.

Они посмотрели на меня, и один из них ответил с усмешкой:

— Слышь, Квазимодо, если ты ищешь уроды, который на нас наехал, то он в магазине прячется.

Я зашел в магазин. Дэн стоит у прилавка и спокойно пьет пиво. Ему уже досталось — рассечена бровь, скула красная, очки разбиты. Он мне очень обрадовался:

— Горе, наконец-то! Пиво будешь?

— За что тебя так? — спросил я расстроено.

— Да уж не помню, слово за слово...

Я взял его под локоть, и мы вышли. Я повел его мимо деревенских. Они засмеялись, что-то пошутили про него: «Папа за тобой приехал?»

— Идите в жопу, — ответил он им.

Это он зря, потому что один из них сразу же к нам подскочил и вплеп Дэну в голову — так быстро и ловко, что мы среагировать не успели. Явно боксер. И обратно отбежал. Дэн на ногах удержался, тогда я его отпустил и пошел к ним. Размахнулся и врзал ближайшему, он упал. Потом еще одному. Потом девушке случайно, да в темноте и толчее разве разберешь! Они разом все кинулись на меня, но тот, кому я первому двинул, уже не поднимался. Дэн на помощь пришел, но все равно сложно было. Попали мне и в глаз, и в нос, губы разбили, и по яйцам залепили. Вот это вот напрасно было, я как дух перевел, рассвирепел страшно. Схватил ближайшего и лицом об дверь ударил, так что у него хрустнуло что-то там.

Тут они стали разбегаться, только боксер стоял крепко. Никак я не мог попасть по нему, а он по мне легко. В конце концов я ухитрился ногой в грудь ему вдарить, и он на ступеньки упал. Потом вскочил и в магазин забежал. Я за ним, схватил с ходу пластмассовый стол и в него кинул, потом стулья, потом бутылку у кого-то выхватил и тоже в него бросил, у другого шаурму забрал и тоже в него. Он перепрыгнул через прилавок, встал за продавщицу.

— Выходи, — кричу я ему, — выходи!

И хрясь ногой по автомату с напитками, там все посыпалось. Он кричит:

— Вызывайте полицию, он больной же, не видите! Вызывайте!

Впрочем, полицию уже раньше вызвали. Не успел я до боксера добраться, как они приехали, и пришлось нам всем успокоиться. К счастью, удалось договориться, в отделение не повезли — полиция тоже местная. Дэн вопрос уладил, позвонил Артему, тот подошел, кому надо за ущерб заплатили.

И пошли мы домой. А на небе занялась заря, запели птицы, розовый свет окрасил пейзаж и наши избитые

лица. Начался новый день, а каждый новый день — это новая жизнь, а значит, шанс начать все с начала.

— Эх, хорошо! — сказал я. И улыбнулся.
А мир улыбнулся мне.

Продолжение следует.

